

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ КОММУНИЗМ?

*Межуев Вадим Михайлович –
д.философ.н., профессор, главный
научный сотрудник Института
философии РАН.*

Проф. А.В. Бузгалин попросил отреагировать меня на свои критические замечания, сделанные им по поводу моего понимания коммунизма¹. Хотя в его статье им уделено немного места – всего

две-три страницы – и они частично повторяют то, что уже было ранее высказано другими моими оппонентами, например, Б. Славиним, я охотно исполню его просьбу. Ответ получится, конечно, более пространным, чем сама критика, но, как известно, отвечать на критические замечания намного сложнее, чем их делать. Многое приходится договаривать и пояснять.

Отмечу, прежде всего, согласие проф. Бузгалина с определением социализма как «пространства культуры», которое послужило заглавием для моей статьи. Он считает, что оно воспринято мной от Маркса, моих учителей (интересно, кого он имеет в виду?) и коллег-шестидесятников. Если к шестидесятникам он причисляет Н.С. Злобина, также писавшего на эту тему, то мысль о совпадении в марксизме понятий «коммунизм» и «культура» пришла нам одновременно еще в 1967 г., когда мы в качестве авторов участвовали в создании коллективной монографии «Коммунизм и культура», положившей начало теоретической разработке проблем культуры в советской философии того времени. При этом Н.С. Злобин в защите данного тезиса опирался в основном на высказывания В.И. Ленина в его поздних работах, на его учение о культурной революции, тогда как я, действительно, на труды Маркса, на его концепцию духовного производства, которая в то время никем всерьез не рассматривалась. Впоследствии каждый из нас пошел своим путем. И хотя мы оба придерживались первоначального тезиса, он трактовался нами по-разному, что объясняется несовпадением наших взглядов на сущность культуры (о чем я также неоднократно писал). Более подробно свое толкование этого тезиса я изложил в монографии «Культура и история» (1977 г.) и ряде других работ. Так что данное определение сформулировано мной не сегодня, а достаточно давно.

Теперь, что касается Маркса. Мне в вышеупомянутом определении принадлежат только слова, а саму идею я, конечно, вычитал у Маркса. Но и Маркс, как я понимаю, не является первым автором этой идеи. Задолго до него гуманисты эпохи Возрождения вслед за античными философами усмотрели единственно достойную для существования человека земную нишу в царстве свободы и разума, которое неминуемо

¹ См. его статью в журнале «Альтернативы», 2007, № 3 и в книге «Октябрь 1917: вызовы для XXI века». М. 2008.

придет на смену всем иным формам его общественного бытия. Данная мысль стала сквозной для всей классической философии Нового времени. В эпоху Просвещения границы человеческой свободы будут осознаны как границы культуры, а история культуры предстанет как история «образования» индивида в качестве свободного и разумного существа. «История есть прогресс по пути свободы», скажет Гегель. В своем понимании коммунизма Маркс лишь придаст этой идее характер историко-материалистического учения, попытается обосновать ее посредством анализа логики развития капиталистического производства.

Сказанное, как мне кажется, трудно опровергнуть. Что же в таком случае не устривает проф. Бузгалина в моем толковании Марксовой концепции коммунизма? Особо подчеркну - Марксовой, а не моей, ибо ни на что другое, кроме как на ее интерпретацию, я в данном случае не претендую. В вину или укор мне он ставит отождествление коммунизма исключительно только с культурой, игнорирующее, как он считает, все другие его отличия от предшествующих общественных форм – как социально-экономические, так и политические. В итоге, по его мнению, как и по мнению ряда других моих оппонентов, «царство свободы» (или культуры) повисает у меня в воздухе, ни на что не опирается ни в экономическом, ни в политическом плане. Получается какое-то общество без материального производства и организационных структур, в котором человек, по выражению проф. Бузгалина, попадает в «некоторое пространство-время инобытия», после того, «как он вышел за рамки завода или офиса».

Не знаю, за какие рамки надо выйти, чтобы попасть в «инобытие» (и почему культура – это инобытие, а не просто бытие?), но сам проф. Бузгалин, похоже, не может выйти за рамки общества, которое как раз и стремился преодолеть Маркс. Даже будущее общество воспринимается им по схеме, которую используют для описания существующего общества. Согласно ей, каждый, отработав положенное ему время на заводе или в офисе, устремляется затем в семью или в круг друзей и знакомых. В свободное от работы время он в порядке самодеятельности может заняться каким-нибудь любимым делом - спортом, искусством, философией, туризмом, ловлей рыбы, выращиванием цветов, самообразованием или хотя бы просто отдохнуть, чтобы затем с удвоенной энергией вновь включиться в работу. Такую жизнь за пределами основной работы проф. Бузгалин, видимо, и считает культурой. Так думают многие, не только проф. Бузгалин. Нельзя отрицать, что подобное представление во многом соответствует тому, что можно наблюдать сегодня в обществе. Примерно так живет в наше время большинство работающего населения.

Ну, и что здесь плохо, почему такая жизнь не является нормой, что еще нужно человеку? – скажут мне. А зачем тогда нужна коммунистическая революция, к **которой призывает** проф. Бузгалин? – отвечу я. Что изменится после нее? Рабочие и служащие станут больше зарабатывать, уделять больше времени своему самооб-

разованию, активнее участвовать в общественной жизни или в управлении собственным предприятием? И это все? Как граждане демократического государства они и сейчас наделены многими правами и свободами. У проф. Бузгалина, упрекающего меня в абсолютизации культуры в определении специфики коммунизма, я вообще не нахожу никакого принципиального отличия коммунизма от того, что уже существует в наиболее развитых странах.

А. Бузгалина еще можно понять, когда он пишет о России. Происшедшая в ней Октябрьская революция, названная большевиками социалистической, действительно, способствовала ее превращению из аграрной страны в промышленно развитую и великую державу. К коммунизму, как его понимал Маркс, все это, однако, имеет весьма отдаленное отношение. Но вот зачем революция, подобная Октябрьской, нужна Западу? Убедить в необходимости такой революции отсталые страны (например, некоторые страны Латинской Америки) еще как-то можно (хотя экономическая и политическая польза от нее для меня весьма сомнительна), но кого могут соблазнить подобные призывы на Западе, исключая, конечно, существующие там, как и везде, радикальные группы и движения, имеющие во многом маргинальный характер? И не станет ли революция, даже если она и произойдет, откатом назад, а не движением вперед? Вот и следовало бы более основательно разобраться в том, чем в действительности является коммунизм, что нового он предлагает людям.

А. Бузгалина смущает, что усматривая в коммунизме вслед за Марксом «царство свободы», находящееся по ту сторону «царства необходимости», я тем самым элиминирую из него всякую необходимость. Такая вот не знающая краев вольница без всякой необходимости. Разве, спрашивает он, свобода не предполагает наличия определенной организации социально-экономической жизни, не формирует особого рода «социальный заказ» к технологическим основам общества, экономическим и социальным отношениям, политической системе и т.п.? Вопрос вроде бы правомерный и часто задаваемый, но не учитывающий того, что Маркс понимал под «экономической необходимостью». Труд «как обмен веществ между природой и человеком» является, согласно Марксу, «вечным естественным условием человеческой жизни», от которого его не может освободить никакое общество. В любом обществе человек должен производить необходимые ему средства жизни, причем во все возрастающем объеме. Но в такой необходимости еще нет ничего экономического, она просто продиктована природой человека. Иное дело, в какой экономической форме осуществляется этот труд. Необходимость рабского, крепостного или наемного труда, служившая до сих пор источником богатства и свободы привилегированной части общества, является уже не естественной, природной, а именно экономической необходимостью. От нее-то, считал Маркс, и нужно освободить человека, что отнюдь не означает его освобождение от труда вообще.

Как человек освободился от рабского и крепостного труда, мы знаем из истории, но как он может освободиться от труда наемного? Каким другим трудом его можно заменить? Наемный рабочий в отличие от раба и крепостного включен в производство не как существо, целиком принадлежащее своему господину, но в качестве рабочей силы, которую он вынужден продавать частному собственнику - владельцу средств производства. Подобная продажа для большинства людей, живущих в условиях капитализма, - безусловная экономическая необходимость, только и позволяющая им выжить.

Наемный труд – труд на другого, т.е. предельно несвободный труд. В своей реализации он ограничен лишь теми возможностями рабочего, в которых нуждается нанявший его хозяин. Все остальное в нем ему глубоко безразлично. Поэтому такой труд еще и предельно обезличен. Сведение человека к рабочей силе - главное обвинение Маркса в адрес капиталистической системы. Как избавить его от этой участи? Ответ, который обычно дается на этот вопрос, состоит в следующем: сами работники должны стать собственниками средств производства, присвоить их себе. А поскольку эти средства приводятся сегодня в действие трудом больших коллективов людей, собственность на них может быть только коллективной, что, по общему мнению, и является общественной собственностью. Вроде бы простой и понятный ответ, но почему-то он не во всем устраивал Маркса. И важно понять почему.

Во-первых, передача собственности в коллективные руки не всегда приводит к желаемому результату. Формально обобществить можно все, что угодно, но любое ли обобществление освободит человека от необходимости быть рабочей силой? Сама по себе коллективная собственность еще не дает свободу от экономической необходимости трудиться во имя хлеба насущного. Маркс это хорошо понимал, называя в «Капитале» общественную собственность не просто отрицанием частной собственности, а «отрицанием отрицания», т.е. ее отрицанием по объекту (объектом общественной собственности становится не часть, а все общественное богатство) и восстановлением по субъекту (субъект общественной собственности - не коллектив, а каждый индивид в отдельности). Общественная собственность – не коллективная (как в первобытности) и не частная, а индивидуальная собственность. То, что принадлежит всем, не принадлежит, в сущности, никому, является ничейной собственностью или собственностью каких-то органов управления, представляющих, а то и подменяющих собой коллектив. В масштабе общества таким органом, как правило, является государство. И чем работа по найму у частного лица отличается от работы по найму у государства? Пожалуй, первая даже более выгодна для работника. Норма эксплуатации наемного труда со стороны государства намного выше той же нормы на частном предприятии. У нас сегодня это понятно каждому. Маркс и считал государственную собственность логическим завершением частной собственности, а Энгельс называл такое государство «ассоциированным капиталистом». Ну, а для нас

государственная собственность была синонимом социалистической и общенародной, что заставляло весь мир отождествлять социализм с этатизмом.

Но главное даже не в этом. Проф. Бузгалин упрекает меня в том, что я недооцениваю значение экономических, социальных и политических преобразований, необходимых для утверждения главенствующей роли культуры в обществе. Можно ли, задает он мне риторический вопрос, культуру, понимаемую как человеческую свободу, утвердить на базе тех отношений и даже той культуры, которые сложились в капиталистическом обществе? Непонятно, где он вычитал у меня отрицание необходимости таких преобразований. Я расхожусь с ним лишь в том, что хоть как-то пытаюсь понять, какого рода преобразования, действительно, необходимы для той культуры, о которой я говорю, кем, как и когда они могут быть реально осуществлены. Ничего конкретного на этот счет у самого проф. Бузгалина я не нашел. Потому и задаваемый им вопрос носит риторический характер. Выскажу то, как я сам понимаю переход от экономической необходимости к свободе, опираясь, конечно же, опять на Маркса.

Для Маркса очевидно, что в определенных условиях наемный труд является необходимостью не только для рабочих, но для всего производства в целом, диктуется уровнем развития производительных сил. Именно этим определяется спрос на рабочую силу. Сам капитализм, порождающий этот спрос, является для определенного этапа истории экономической необходимостью. И пока такая необходимость существует можно лишь мечтать об устранении частной собственности, товарного производства и всей системы капиталистического хозяйствования. Никакая революция и никакое обобществление тут не помогут. Сам капитализм должен подвести к черте, отделяющей «царство экономической необходимости» от «царства свободы», поставить общество перед необходимостью перехода от одного царства к другому. Не коммунизм, а именно капитализм диктует необходимость такого перехода. И делает он это, естественно, вопреки собственному желанию, преследуя свои цели. Необходимость свободного труда, приходящего на смену наемному труду, несомненно, рождена всем предшествующим экономическим развитием, но можно ли считать эту необходимость экономической – вот в чем вопрос. Почему-то Маркс считал такой труд не свободной экономикой, а свободой от экономики, от экономической необходимости.

Внедряя в производство с целью повышения его экономической эффективности науку (всеобщий труд, по определению Маркса), капитализм сводит непосредственный труд рабочих «к минимуму», что влечет за собой сокращение рабочего времени и увеличение свободного времени, а, значит, и снижение спроса на рабочую силу. Приходя на смену абстрактному труду, всеобщий, или научный, труд по-новому ставит вопрос об участии людей в процессе производства. Условием такого участия становится соединение человека с наукой, превращение его труда из труда физического в труд умственный, что само по себе повышает в его жизни значение свободно-

го времени. И как научное овладение силами природы не отменяет действия природной необходимости, а лишь подчиняет ее воле человека, так превращение науки в основную производительную силу не влечет за собой освобождение человека от естественной необходимости трудиться.

Последняя не исчезает, но перестает служить основой, базой общественной жизни людей, уходит туда, где располагаются все остальные естественные функции человеческого организма – сон, еда, размножение и пр. Не считаем же мы затраченное на них время общественным временем; оно является как бы естественной предпосылкой нашей жизни в обществе. Если добавить к нему еще два-три часа необходимого труда, распределив его поровну между всеми членами общества (что станет возможным, как считал Маркс, в условиях полной автоматизации труда), т.е. как бы утопить необходимый труд в естественной предпосылке, то остальное время превратится в свободное время, станет основным временем нашей общественной жизни. В итоге мы получим то, что Маркс и называл коммунизмом.

Иное дело, что расширяя границы свободного времени, капитал в силу своей природы стремится превратить его во время прибавочного труда, в добавочное рабочее время. Мерой общественного богатства остается для него рабочее время, поскольку только в нем создается стоимость. Свободное время ценится здесь, как только время потребительской активности, целью которой является воспроизводство рабочей силы. Поэтому покончить с существованием человека в качестве рабочей силы, эксплуатируемой капиталом, можно лишь тогда, когда сами рабочие присвоят в качестве своей собственности не только средства производства, но и время их прибавочного труда, превратят его в свое свободное время. Борьба между трудом и капиталом – это, прежде всего, борьба за право распоряжаться временем, а конечной целью этой борьбы является перевод рабочего времени в свободное.

Присвоение рабочего времени рабочими в качестве их свободного времени можно назвать обобществлением времени, но именно с этого, по мысли Маркса, начинается движение общества к коммунизму. Оно означает не просто расширение границ свободного времени (это происходит уже при капитализме), но его превращение в *основное время человеческой жизни, в меру общественного богатства* (т.е. чем его больше в обществе, тем оно богаче), и, следовательно, в *базис общества*. Подобное движение в своем итоге и равносильно выходу человека в «царство свободы». Кто и когда придавал у нас значение этим мыслям Маркса?

Но если коммунизм делает своим общественным базисом свободное время, куда девать материальное производство с его технотехнологической структурой, организацией и управлением, с его заводами, фабриками и всем обслуживающим персоналом? Ведь не испарится же оно с приходом коммунизма. Вот вопрос, который не оставляет в покое проф. Бугалина (как и многих других). Ему, как экономисту, видимо, трудно понять, как общество может существовать без опоры на экономический базис. Культура

культурой, но кто-то ведь должен обеспечивать людей материальными благами и предметами потребления. А производство, в какой бы общественной форме оно не осуществлялось, является для экономиста экономической реальностью и потому предметом экономической науки. Именно этой науке он приписывает решающую роль в выработке модели будущего общества. Внеэкономическое общество, с такой точки зрения, - это абсурд, какое-то «инобытие», абстрактная свобода без опоры на реальность.

Подобная постановка вопроса, как мне кажется, объясняется недопониманием учения Маркса о свободном времени. Сходное мнение, кстати, было высказано Ханной Арендт в ее очень интересном анализе трудовой теории Маркса². Задолго до проф. Бузгалина она истолковала идею Маркса о грядущей эмансипации рабочего класса как его призыв к освобождению человека вообще от труда, как выход за пределы всякого производства. Подобное мнение представляется мне глубоко ошибочным.

Начну с того, что свободное время понимается Марксом не как свобода от производства, а как тоже производство, но особого рода, целью и результатом которого является сам человек во всей целостности своего общественного бытия. Понимание свободного времени как времени производства человеком самого себя в качестве общественного существа и было положено мной в основу концепции культуры, которую я разрабатывал на протяжении многих лет. Культура, с этой точки зрения, - тоже производство, но не просто вещей или идей, но самих людей в их отношении к природе, друг к другу и самим себе. Говоря словами Маркса, культура - это «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, - производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества...»³.

Понятно, что производство человека как «целостного и универсального продукта общества» включает в себя производство и его материальной, и его духовной жизни, но уже как условия его общественной жизни. В рамках свободного времени эти виды производства предстают не как отделенные друг от друга отрасли со своими особыми целями и задачами, а как единый процесс самопроизводства человека в качестве общественного существа. Создаваемые здесь вещи не берут на себя функцию замены отношений между людьми (товарный фетишизм), а служат условием естественно воспроизводства человека как непосредственного производителя этих отношений. Можно сказать и так: общественное производство в границах свободного времени - это производство индивидами всей полноты своих связей и отношений с миром и

² См. ее книгу «*Vita activa, или о деятельной жизни*». СПб.2000.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С. 386.

другими людьми. Все остальное имеет для них подчиненное значение. Даже производство материальных благ имеет здесь целью не просто потребление, но такое, которое соответствует запросам и вкусам общественно развитой личности.

Но тогда свободное время – это тоже время производства богатства, но такого, которое не отчуждено от человека, предстает как богатство самого человека, как человеческое богатство, т.е. в форме не капитала, принадлежащего частному лицу, а культуры. Культура по самой своей природе есть то, что принадлежит каждому. А то, что принадлежит мне, как и любому другому лицу, создается и присваивается не в рабочее, а в свободное время. Время, которое мы тратим на себя, работая, например, на своем приусадебном участке, мы же не называем рабочим временем. Тот факт, что продукты культуры в условиях рынка могут обрести форму товара, о чем пишет и проф. Бузгалин, стать чьей-то частной собственностью, указывает лишь на то, что в этих условиях свободное время не стало еще мерой общественного богатства, базисом общества, находится целиком во власти рабочего времени. Продукты свободного труда оцениваются здесь так же, как если бы они были созданы в рабочее время, т.е. по их денежной цене.

Коммунизм и есть общество, в котором культура предстает в адекватной себе форме – в форме богатства, принадлежащего каждому и потому всем. В этой форме она и становится объектом общественной собственности. То, что принадлежит каждому, принадлежит всем. Собственность каждого, индивидуальная собственность – это собственность человека на всю культуру, и приобретает она не в рабочее, а в свободное время. Труд, создающий эту собственность, носит характер не экономической, а культуросозидающей деятельности. Такой труд Маркс называл общественным трудом. Только общественный труд, писал Маркс в «Критике Готской программы», создает богатство и культуру. В нем снята противоположность как материального и духовного труда, так и противоположность труда абстрактного и конкретного. Конкретный результат такого труда в силу именно своей конкретности, уникальности, а не своей абстрактной стоимости, имеет всеобщее значение, обладает ценностью. И можно ли природу этого труда и создаваемого им богатства выразить с помощью экономических категорий стоимости, товара, денег и пр.? Вот почему я всегда считал теорию коммунизма не экономической, а культурологической теорией.

Правда, полностью переключиться на такую деятельность человек сможет после того, как механическая, чисто исполнительская функция его труда, требующая простого расходования рабочей силы, будет передана машинам, технике, во всяком случае, сокращена до минимума, а сам он войдет в производство в качестве «совершенно иного субъекта», владеющего культурным капиталом. Последний есть не природный, а общественный дар, а для его приобретения как раз и требуется свободное время. Соответственно и производительность труда в свободное время измеряется не количеством произведенной продукции за единицу времени, а качеством созда-

ваемой в нем личности, человеческой индивидуальности. И каким временем можно измерить это качество? Весь процесс производства как бы начинает кружиться в обратном направлении: не человек оказывается придатком машины и технологического процесса, а вся технологическая система с ее организацией и управлением – придатком человека, лишь функцией от его производства как «основного капитала».

Так что материальное производство с его технологией, организацией и управлением, за которое так ратует проф. Бузгалин, никуда не испаряется. В «царстве свободы» (или просто в пространстве свободного времени) оно лишь утрачивает характер экономической деятельности, перестает служить основой и самоцелью общественного развития, берет на себя иную функцию, чем та, которая выполнялась им в условиях рыночного хозяйствования и товарного производства. Никто и никому не запрещает исследовать формы и структуры организации труда в свободное время, но разве это дело экономистов? И в качестве естественной необходимости труд – предмет скорее физиологии, психологии, антропологии и пр., чем экономической науки. Короче, для изучения труда за пределами рабочего времени требуется совсем другая наука. Материя, таким образом, не исчезает в условиях свободы, но становится формой ее проявления, т.е. тем, что Э.В. Ильенков называл «идеальным» и что можно также назвать культурой. В этом качестве она изучается науками не о природе (по методу своего исследования), а о культуре. Культура – человеческая форма существования материи, или материальная форма существования свободного человека. Если проф. Бузгалин докажет, что свобода (не экономическая, рыночная, а человеческая) может стать объектом экономического знания, то он, несомненно, совершит переворот в этой области, но в том, что это можно сделать, я как раз и сомневаюсь.